Рис. Л. БРОДАТЫ

УГРОЗА ВОЙНЕ

— Убирайтесь! Миром требуем!

К Р О К О Д И Л

№ 35 (1325) МОСКВА 20 ДЕКАБРЯ 1952 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». ГОД ИЗДАНИЯ XXXI ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

РЕЖИМ — ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ

(К ПЯТИЛЕТИЮ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ)

— Учтите, товарищи: чтобы я был ещё крепче, необходим режим... экономии!

Прошу слова!..

О ЛЕГКОВЕСНОМ ПОДХОДЕ К ТЯЖЕЛОВЕСНЫМ СООРУЖЕНИЯМ

(ОТРЫВОК СТЕНОГРАММЫ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ СОВЕЩАНИЯ КРОКОДИЛА С РАБОТНИКАМИ МИНИСТЕРСТВА ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР)

Крокодил. Товарищи! Поговорим о режиме экономии: как говорится, кто не бережёт копейки, сам рубля не стоит!.. Кстати, какого вы мнения о проекте санатория в Нижнем Мисхоре?

Дружные голоса из президиума. Мы в восторге!.. Там будут номера люкс, зимний морской бассейн!.. Там будет... В общем девятнадцать миллионов рублей, отпущенных на его строительство, не будут брошены на ветер.

Крокодил. А кто из вас видел санаторий в натуре, там, в Крыму?

Редкие голоса. Я... Я...

Крокодил. Видели вы бастионы его подпорных стен, скалистые террасы четырёх этажей, титанические колонны?

Тов. Ефимович (автор проекта, он же руководитель архитектурной мастерской Гипролеспрома). Ах, люблю возводить основательные сооружения!

Тов. Корепов (начальник Управления капитального строительства министерства (в сторону Ефимовича). Основательные сооружения любит, а проект не слишком основательно разработал...

Тов. Ефимович. Гм!.. Хм!.. Позвольте, а какое, собственно, отношение к режиму экономии имеют эти разговоры о санатории? При чём тут мы? Наше дело — чертежи...

Крокодил. Вот-вот! Ваши чертежи и навели нас на грустные размышления о режиме экономии. Не из-за этих ли чертежей пришлось сделать на сотни тысяч рублей не предусмотренных сметой работ?

Тов. Ефимович (энергично). Это строители виноваты! Они сместили главный корпус к морю. Высоту подпорных стен пришлось увеличить вдвое... И ущерб большой, и вид испортили!

Тов. Спирин (начальник Крымского строительного управления). Простите, товарищ Ефимович, вот акт, в коем вы собственноручно записали: «Произвели разбивку основных осей здания... причём оказалось, что посадка здания на месте полностью соответствует выданным чертежам».

(Между строителями и проектировщиками завязывается «обмен любезностями», из которого можно разобрать только такие фразы: «Бракоделы! Не строите, а портите!», «Путаники! В чертежах врёте!» Руководители министерства спокойно взирают на эту сцену).

Иван Фёдорович (бетонщик со строительства). Вы, товарищ Крокодил, думаете, что мы только на фундаменте и подпорных стенах споткнулись? Ничего подобного! Камня не положили без переделки! Резервуар для хранения воды из-за неточности чертежей начали строить на чужой территории — тридцать тысяч рублей как в воду кинули. Вырыли по чертежам водопроводные траншеи, а проектировщики взяли и изменили трассу — ещё сорок три тысячи рублей в землю зарыли. Ниши для отопления в проекте не предусматривались, а когда стены возвели, автор предписал вырубить ниши... Да что там!.. Генеральный план — и тот не раз менялся. Точь-в-точь как в присказке: «Акуля, что шьёшь не оттуля?» «А я, матушка, ещё пороть буду!»

Солидный голос из президиума. Вы, Иван Фёдорович, не в курсе дела. Об этом самом был приказ по министерству! Руководители стройки и проектировщики были строго наказаны... Ну и...

Реплика из зала. Ну и опять всё пошло по-старому!

Крокодил. Нет, почему же по-старому? Есть кое-что и новое. Например, такая телеграмма:

«Целях придания устойчивости корпуса... ликвидировать горизонтальные зпт вертикальные борозды всех возведённых стенах для скрытой проводки труб отопления водопровода путём забетонирования».

А когда ниши были забетонированы, прилетела другая телеграмма, предписывающая обратное:

«Целях сохранения архитектуры санатория обязываю обеспечить согласно проекта все вертикальные борозды для труб отопления водопровода...»

Как видим, и там «целях» и тут «целях». Только вот государственные денежки летят бесцельно. Ох, и легковесный же у вас подход к тяжеловесному сооружению с титаническими колоннами!

Иван Фёдорович (бетонщик). Вы насчёт колонн, товарищ Крокодил, не беспокойтесь. Они не будут титаническими: архитекторы велят нам обрубать их, делать тоньше, чересчур, видите ли, толсты.

Крокодил. Вот мы и подошли вплотную к вопросу о режиме экономии. Разрешите подытожить: значит, имеется налицо больше миллиона убытков и не имеется налицо санатория...

Примечание. Окончание стенограммы находится в Министерстве лесной промышленности СССР. Желающих узнать о принятых мерах по вопросу о режиме экономии просим обращаться в министерство. Адрес: Москва, площадь Борьбы, дом 31/33.

Владимир ИВАНОВ

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

ОТПИСКА

Отписки разных есть сортов —
И со словами и без слов,
В конверте, на мольберте,
На сцене и концерте...

Порой учтивые слова
Отстуканы на бланке.
Но это сорная трава,
Словесные поганки!

...Покрытый пылью, как чехлом,
На полке дремлет толстый том:
По теме — актуальный,
Роман монументальный.

Стряхните пыль, возьмите том
Да полистайте, ну-ка!
Сидит, зевая, в томе том
Под переплётом скука!

...Художник некий в мастерской
Владеет кистью ловко
И пишет «левою ногой»:
Есть опыт и сноровка!

Отписки — тема и сюжет
У мастера такого.
У чахлой «лживописи» нет
Дыхания живого!

...Дед-бакенщик. Плечист. Усат..
Служил штурвальным, говорят,
Когда был помоложе.
У очеркистов — нарасхват,
И у поэтов — тоже!

Он новым берегом идёт,
Седые брови хмурит.
Старик устал:
Который год
Во всех стихах дежурит!

...Раскрыта нотная тетрадь.
Товарищ Перепевный
Новинки может создавать
Почти что ежедневно.

У всех знакомых и друзей —
Душевно рад находке! —
Для новой песенки своей
Заимствует по нотке.

Из той же серии порой,
Коль присмотреться близко,
По сцене шествует герой —
Холодная отписка!

Он — не живой,
Он — не родной...
Глядит, зевая, зритель:
— «Герой»! А скучен, как иной
Оратор-усыпитель!..

Отписки всячески хитрят,
Свои уловки множат.
Но маскировочный халат
Отпискам не поможет!

НАГЛЯДНАЯ МЕТЕОСВОДКА

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— А в этом году снега выпало на полколеса больше, чем в прошлом году!

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

Многие работники Боровского районного финансового отдела (Калужская область) связаны родственными отношениями.

— Как любезен ваш начальник с подчинёнными! Всем говорит: «Родной мой».
— Любезность тут не при чём. Они ему и в самом деле родня!

Наказанное любопытство

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Сосновского сельсовета с любопытством разглядывал пакет, только что полученный на почте наложенным платежом.

— Тридцать рублей отдал, а за что — неизвестно. Дёрнула меня нелёгкая выкупить кота в мешке! На ощупь вроде на книгу похоже.

Пакет был вскрыт. Стоявшие рядом с председателем вытянули шеи. В пакете оказался объёмистый том в плотном зеленоватого цвета переплёте.

— «Справочник расчётных и текущих счетов клиентов Госбанка в городах Тамбов, Мичуринск, Моршанск...» Нет, тут какое-то недоразумение. На что же нам этот справочник? Кто заказывал?

Присланный том состоял из 427 наполовину чистых страниц, заполненных номерами счетов. В конце книги прилагались формы бланков и длинный перечень замеченных опечаток с примечанием насчёт того, что часть форм недействительна. Затем читатели оповещались о том, что авторами-составителями являются А. Сагателов и А. Светличная и выпущен сей справочник издательством «Тамбовской правды».

— Нам это ни к чему, — сокрушался председатель. — Скажите на милость, зачем мне знать номер расчётного счёта парикмахерской Моршанского горкомхоза или, к примеру, номер счёта ресторана второго разряда станции Тамбов?

— Вдруг случится зайти? — усмехнулся один из колхозников.

— А зайду, так номерами текущих счетов интересоваться не буду. Что же теперь с этим справочником делать?

Старик-колхозник осторожно взял справочник в руки и прикинул:

— С полкило, пожалуй, будет. Вы, ребята, эту штуку на раскурку пустите. Бумага всё ж таки подходящая!

— За тридцатку-то! — возмутился председатель и, забрав книгу, отправился за разъяснениями в райфо.

На улице его обогнал быстро шагавший начальник Сосновской пожарной команды.

— Куда? — остановил его председатель сельсовета.

— В райфо!

— А что случилось? Райфо горит?

— Здесь горит, — пожарник указал на сердце. — До какого нахальства люди дошли!..

И пожарник с яростью помахал перед носом председателя знакомой книгой в зеленоватом переплёте.

В райфо было многолюдно. Окружив заведующего, собравшиеся громко кричали, тыча ему всё те же зеленоватые томики. Это были председатели других сельсоветов и работники отделов райисполкома, которые также получили наложенным платежом творение рук Сагателова и Светличной.

Заведующий финотделом даже охрип, успокаивая своих разбушевавшихся клиентов.

— Я и сам, товарищи, пострадал, выкупив этот бесполезный справочник, — хрипел он. — Благодарите за него областную контору Госбанка, а также издательство «Тамбовской правды».

— Надо отослать им все экземпляры обратно наложенным платежом! — горячился пожарник.

— Не выйдет, — улыбнулся заведующий, — издательство, небось, тоже себе на уме. Для того оно и разослало справочник по сельсоветам и райисполкомам, чтобы сбыть его с рук и возместить свои убытки. Наш наложенный платёж оно просто не выкупит.

Поднялся невообразимый шум. Постояв немного, председатель Сосновского сельсовета махнул рукой и вышел на улицу.

«Плакали наши денежки! — думал он. — Ну что же? Не одни мы, вся область пострадала. Сколько экземпляров-то напечатано? Три тысячи? Н-да, тридцать рублей помножить на три тысячи, — выходит, девяносто тысяч рублей зря потрачено!»

Переполох в Сосновке продолжается. И по сей день люди наводят друг у друга справку: на чей расчётный счёт следует отнести убытки от выкупа никому не нужного справочника?

Н. БАЖЕНОВ

Иван КОСТЮКОВ

Гроза

КАК ни велик был соблазн ещё понежиться под тёплым одеялом, Фёдор Иванович Гудошников всё же не поддался такому искушению. Считая себя человеком волевым и решительным, он не встал, а, скорее, соскользнул с постели и, чтобы разогнать сонливость, усиленно начал размахивать руками и делать приседания.

— Ррраз - два! Вдох - выдох! — командовал он сам себе, приседая и выпрямляясь. — Раз-два! Вдох-выдох...

— Ну, что поднялся ни свет, ни заря! — с упрёком сказала жена, укрываясь от света подушкой. — Сам не спит и людям покою не даёт!

— Не могу! Некогда! — скороговоркой ответил Гудошников, раскачиваясь из стороны в сторону, что должно было означать гимнастическое упражнение «насос». — К десяти часам я должен подписать сводки о работе райпромкомбината за ноябрь. Сама понимаешь, первое число — вроде как экзамен для хозяйственников... Рррaз-два! Вдох-выдох!

В то время, когда Фёдор Иванович приступил к упражнению «ласточка», раздался телефонный звонок, длинный, назойливый, отчего всю сонную вялость сразу как рукой сняло.

— Эк раззвонились! — проворчал Гудошников. — От такого трезвона не то что живые — мёртвые «караул» закричат!

Он подошёл к телефону и услышал заспанный голос плановика Егора Петровича.

— Что это ты, Егор Петрович, на всю вселенную звон поднял? — недовольно спросил Гудошников. — Что? Думал, я ещё сплю? Спасибо, товарищ дневальный, за побудку... Ну, как у нас там? А? Что? Какая авария? Ах, Макаров опять не выполнил план? На сколько?.. Да не тараторь, пожалуйста, не в пожарную команду звонишь... На сколько, спрашиваю, недовыполнил? На двенадцать? Ах, на двадцать?.. Хм... Да... Дела действительно не того... Ну, ладно! Сейчас прибегу, разберусь. А ты позвони Макарову. Мол, срочно требует управляющий райпромкомбинатом. Ясно? Действуй!

Гудошников положил трубку и начал одеваться. Он спешил и, как в таких случаях водится, второпях никак не мог застегнуть пуговицу сорочки.

— Да ты рубашку-то наизнанку напялил! — усмехнулась жена. — Глаза-то спят ещё. Пойди умойся.

Фёдор Иванович вывернул сорочку, но тут поспешность опять подвела его: теперь сорочка сидела задом наперёд, так, что грудной разрез с пуговицами оказался на спине.

— Чёрт знает, что такое! — ворчал он, снимая сорочку и надевая её сызнова. — У других всё получается по-людски, а тут...

— А ты не торопись, — посоветовала жена, — и всё будет, как надо.

— Я не про рубашку, — махнул рукой Фёдор Иванович. — Я про Макарова. Вот директор завода навязался на мою несчастную голову! Из месяца в месяц, из квартала в квартал заваливает план. Ко всему этому зазнайка, пустозвон, лодырь! Три выговора я ему влепил, два выговора мне из-за него всыпали. С рабочими высокомерен, о критике и говорить не приходится — она для него, что горчица для кошки...

— А ты, товарищ управляющий, куда смотришь? — ехидно спросила жена. — Ведь он же твой подчинённый!

— Видишь ли, всё ждал, пока за ум возьмётся. Нянчился с ним, уговаривал, к совести взывал. Сколько ему помогали — и я и партийная организация! Да, видно, не в коня корм... Теперь всё! Либеральничать больше не намерен!..

Ворча себе под нос: «Вот я ему покажу, что такое государственная дисциплина! Я ему задам!» — Гудошников надвинул шапку, надел пальто и вышел на улицу.

Лёгкий морозец, монотонный скрип снега, столбы дыма, уходящие куда-то в поднебесье, — всё это нравилось Гудошникову, бодрило его, и мало-помалу он настроился на самокритический лад.

«А ведь во всём, Фёдор Иванович, пожалуй, виноват ты сам, — мысленно критиковал Фёдор Иванович Гудошников Фёдора Ивановича Гудошникова. — Сколько раз добрые люди советовали тебе снять Макарова!.. А ты?.. Ты только по первым числам вспоминаешь о нём. А?.. Что морщишься? Критика не нравится?.. Эх ты, потатчик! Либерал в шляпе!»

Занятый разносом самого себя, Гудошников не сразу заметил, что он уже находится в помещении райпромкомбината и почтительные сотрудники поздравляют его с добрым утром.

— Попросите ко мне Егора Петровича, — бросил он на ходу и прошёл к себе.

Через две минуты, шаркая валенками, явился плановик Егор Петрович, седоусый старичок, смотревший поверх очков, отчего получалось впечатление, будто он собирается кого-то боднуть.

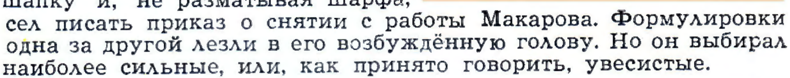
— Говорил я вам, Фёдор Иванович, что с Макаровым далеко не уедем, — сказал плановик вместо приветствия. — Все директора, как директора, а с ним хлопот полон рот.

— Сейчас им займусь... Ну, как? Каков общий итог?

— Ещё не подсчитал... Сейчас... Ох, боюсь, что и ста процентов не натянем! И всё из-за него, оглашенного! Вот навязался на нашу шею! Вот морока-то! И что вы его держите?

— Ну, ладно, ладно! Сказал, сниму, значит, всё. Иди считай!

Гудошников сбросил пальто и шапку и, не разматывая шарфа, сел писать приказ о снятии с работы Макарова. Формулировки одна за другой лезли в его возбуждённую голову. Но он выбирал наиболее сильные, или, как принято говорить, увесистые.

«За систематическое невыполнение производственного плана, — писал он, перекашивая строчки слева вниз направо, — за плохую организацию труда и планирования, а также за личную недисциплинированность, выразившуюся в неоднократных поездках на охоту в рабочее время, директора Механо-обозного завода П. М. Макарова...»

— Можно? — раздался в дверях зычный голос, отчего Гудошников вздрогнул и у последней буквы сделал длинный хвостик.

— А, это ты, Макаров? — сказал он, перевёртывая приказ тыльной стороной. — Пришёл, значит? Ну, проходи, садись.

Макаров, довольно плотный мужчина лет тридцати пяти, в кожаном пальто и шапке-ушанке, молча прошёл к столу, оставляя за собой мокрые отпечатки следов. Его разрумяненное холодом лицо дышало здоровьем. И только беспокойные глаза как бы спрашивали: «Не понимаю, что за срочная необходимость вызывать меня с утра?»

— Так вот, Павел Михайлович, товарищ Макаров... — Гудошников почувствовал, что ему стало нестерпимо жарко, и он размотал шарф. — Опять твой завод... это самое... Ты сколько за этот месяц задолжал государству? А?

— Наверно, тысяч около восьмидесяти, — нехотя ответил Макаров, скосив глаза на потолок. — Виноват...

— Ещё бы не виноват! Подумать только: передо мной сидит человек, который обсчитал государство! Да на сколько обсчитал-то! На восемьдесят тысяч! Ты, небось, думаешь, что я опять переложу твой долг на другие заводы? Как бы не так! Дудки! Хватит на чужом горбу выезжать! Пора и совесть знать!

— Видишь ли, Фёдор Иванович! — заговорил Макаров. — Неужели я не хочу выполнять план? Хочу, стараюсь... Но, Фёдор Иванович, ты же знаешь, какой у меня главный инженер.

— Что? Теперь уже инженер виноват? Батюшки, час от часу не легче! В прошлый раз на станки валил, а теперь новую отговорку выискал! Ну и директор, ну и ну!.. Нечем оправдываться, так давай на инженера валить?! Может, у тебя и начальники цехов плохие? А? Может, на всём заводе только один ты хороший? А?

Гудошников вытер лицо и посмотрел на Макарова, который сидел в прежней позе, подперев голову рукой и наблюдая за сизыми завитушками папиросного дыма.

«И ругань до него не доходит, — подумал Фёдор Иванович. — Ну стоит ли после этого язык трепать? Надо снимать. И делу конец».

Как судья перед объявлением приговора, Гудошников встал, погладил волосы, одёрнул пиджак и, стараясь сохранить спокойствие, сказал:

— Вот что, товарищ Макаров! Дальше так работать нельзя. И я решил...

Объявить о своём решении на этот раз Гудошникову не удалось. Шаркая валенками, в комнату вошёл плановик Егор Петрович и, не скрывая радости, но и без крика объявил:

— Ура! Ура! По валу сто и четыре десятых получилось! Чугуно-литейный выручил! Он за этот месяц сто восемнадцать дал. Ух! — плановик вздохнул и устало покрутил головой.

— Ух! — облегчённо вздохнул Гудошников. — Значит... выходит, вытянули? А я уж думал... Сто и четыре десятых, говоришь? Хорошо! Прекрасно!.. Подготовьте, Егор Петрович, сводки в райком, в райисполком, в облместпром. Я подпишу. Такие сведения подписать не стыдно... Иди, поторапливайся... Ух!.. Гора с плеч!..

Когда плановик ушёл, Гудошников снова обратился к Макарову:

— Так вот, Павел Михайлович! Дальше, говорю, так работать нельзя... Понятно? Нето я... И впредь, повторяю, не допущу, чтобы за тебя отдувались другие. Я человек принципиальный и дурака валять не позволю никому. И до тебя я ещё доберусь! Вот увидишь! Ух, как доберусь! Станешь просить милости, да поздно будет! Ясно? Ну то-то же! Иди работай, да не забывайся!..

И грозный приказ о снятии Макарова с работы полетел в корзину.

ТАШКЕНТСКИЕ ПРИКАЗОЗАГОТОВКИ

СПЕЦИАЛИСТЫ-хлопководы утверждают, что самый страшный вредитель хлопчатника — тля. Она высасывает соки растения и истощает его. Как с ней бороться?

Состоявшееся в феврале узбекистанское агрономическое совещание рекомендовало своевременно выявить заражённые вредителем площади и провести на них жёсткие «химические отработки». Первую — до 15 марта, вторую — до 1 мая, третью — в конце мая. И обязательно наиболее эффективными препаратами.

В постановлении совещания было и много других полезных советов. Главным образом — по подготовке почвы, севу и обработке посевов хлопчатника.

Со своей стороны министр хлопководства Узбекистана тов. Насыров подписал 12 марта весьма обстоятельный приказ об организации посевных работ. До чего же там всё было понятно разъяснено! И насчёт подготовки почвы. И про сев. И, разумеется, про «химические отработки» наиболее эффективными препаратами.

Вполне естественно, что организаторы агрономического совещания, руководящие работники Министерства хлопководства тт. Ржевский, Молчанов, Колдаев и Гафт обязались принятые этим совещанием рекомендации размножить. И...

Думаете, не размножили? Вот и не угадали! И размножили и во все колхозы разослали. Даже на двух языках. На русском — в первой половине июня, на узбекском — в августе.

Правда, к тому времени истекли уже все сроки для намеченных совещанием жёстких «химических отработок». И для подготовки почвы. И для сева. И для обработки посевов. Но вот министерский приказ...

Вас интересует, что сталось с министерским приказом об организации сева? Ничего оригинального. При помощи тех же Ржевского, Молчанова, Колдаева и Гафта русский текст приказа был доставлен на места в самую пору... массового цветения хлопчатника. А весь шеститысячный тираж приказа на узбекском языке по сей день мирно покоится в кладовой Министерства. Очевидно, в расчёте на то, что предстоит ещё не одна весна и не один сев. Авось, когда-нибудь пригодится...

А не знают ли специалисты из Министерства хлопководства каких-нибудь «эффективных препаратов» для борьбы с разъедающей живое дело канцелярской тлёй?

Если знают, пусть воспользуются.

Н. ВОЛЬСКИЙ

г. Ташкент.

А. МАЛИН

КРОЛИК и ЕЖОВЫЕ РУКАВИЦЫ

Сатирик Еж заехал в Бориздат.
Редактор Кролик молвил:
— Очень рад!
Сатира нам, вы знаете, нужна бы:
Не вывелись Гадюки, есть и Жабы.
Мы против них решили ополчиться,
Но надобны ежовы рукавицы,
А где же их, мой дорогой, найдёшь?
— Я парочку привёз,— заметил Еж.—
Примерьте-ка. Решительней, смелее!
Бессильны против них любые Змеи...
Примерил Кролик рукавицы:
— Что ж,
Подарок, разумеется, хорош.
Но вот загвоздка:
Он настолько колок,
Что исцарапаться нетрудно самому.
Вы знаете, я ножницы возьму
И подстригу слегка концы иголок!..

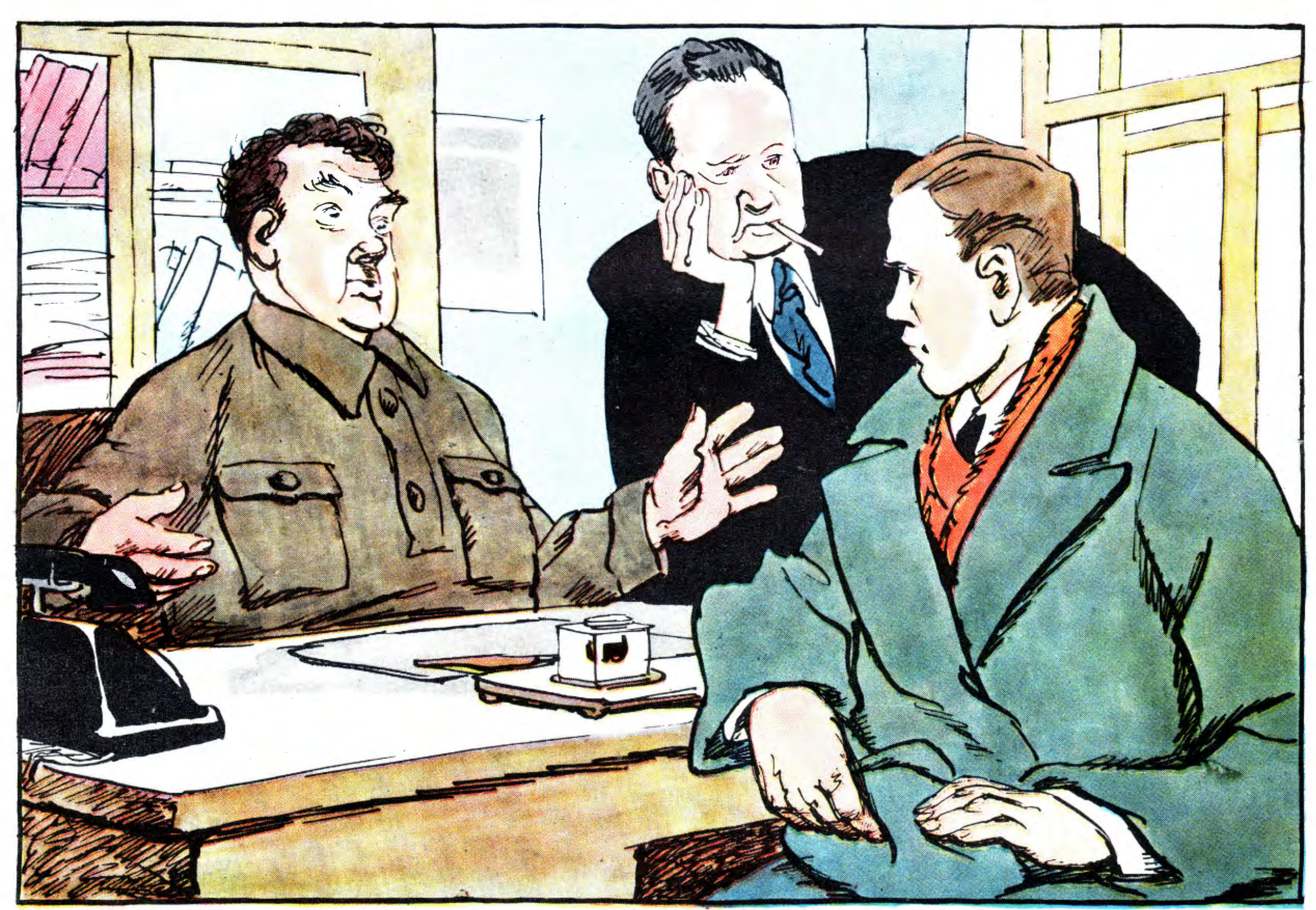
* * *

Увлечено ещё немало лиц
Подстрижкою ежовых рукавиц!

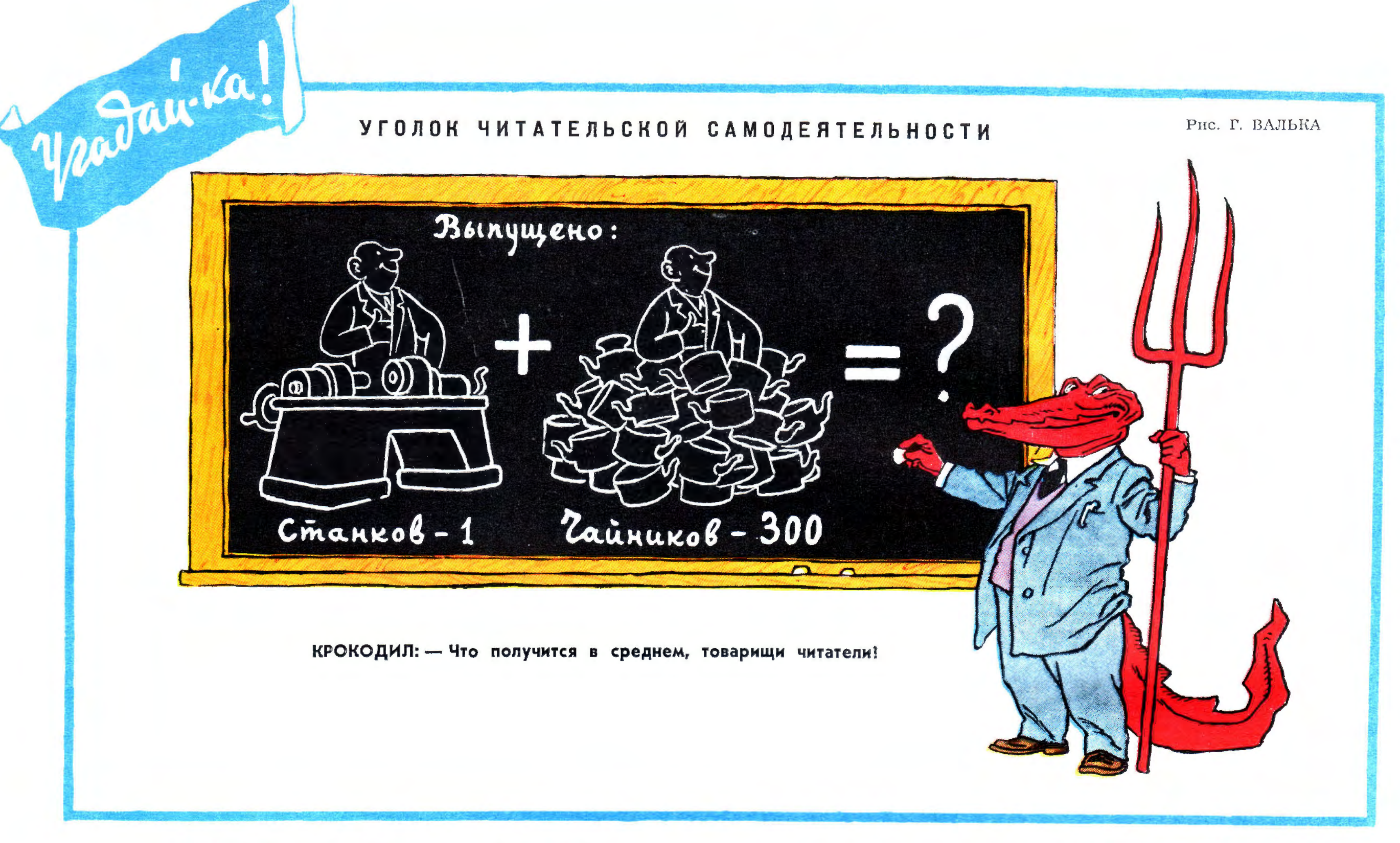
г. Симферополь.

В ОДНОМ ПАРТКОМЕ

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

— О кандидатах партии вы, наверное, совсем забыли!
— Как можно! О них мы на каждом отчётно-выборном собрании говорим!

КРОКОДИЛ: — Что получится в среднем, товарищи читатели!

КИРПИЧИ

(Из дневника директора Льговского кирпичного завода)

ПРЕДУПРЕДИМ сразу: никаких мемуаров Худяков пока не создал. Но поскольку деятельность директора Льговского кирпичного завода интересует не столько его самого, сколько многих строителей Курской области, берём на себя труд набросать проект худяковских воспоминаний и обнародовать их для назидания современникам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. «Я ПРИНИМАЮ КРИТИКУ»

Никак не думал, что маленький поросёнок, заимствованный мною в одном из колхозов нашего района, подложит мне такую большую свинью: из-за него я был снят с должности заместителя председателя райисполкома и переброшен на пост директора Льговского кирпичного завода.

— Искупай свою вину, работай честно! — строго сказали мне.

Критику я принял и теперь готов на всё — вплоть до честного отношения к делу. Тем более что поросят и прочих парнокопытных существ поблизости не будет, одни кирпичи, сиречь бездушная смесь глины и песка.

ГЛАВА ВТОРАЯ. «Я БОРЮСЬ С ЗАУШАТЕЛЬСТВОМ»

Изо всех сил стараюсь работать честно. Но трудно: опыта нет. Вдобавок выясняется, что товарищи, с которыми мне сейчас приходится общаться, крайне непринципиальны.

Начать с того, что с моей точкой зрения на кирпич как таковой заказчики не согласились. Представители ряда машинно-тракторных и лесозащитных станций, областных управлений сельского и лесного хозяйства, а также стройтреста и других строительных организаций Курска высказывают довольно резкие критические замечания в мой адрес («бракодел», «обманщик», «очковтиратель» и т. д.). Им, видите ли, подай кирпич «со звоном», да без трещин, да хорошо просушенный, да в меру обожжённый. А я, по их выражению, отгружаю им «бог знает что».

Типичная заушательская критика. За кирпичами не увидели живого человека, то есть меня. Подумайте сами: план выполнять надо? Надо. Мне «звон» ни к чему, мне нужны показатели. По количеству у меня всё хорошо. Что же касается качества, то... впрочем, если потребители недовольны, можете, как говорят кондуктора, «ездить в такси».

Иногда я обращаюсь к потребителям за советом. Но вместо деловой помощи слышу болтовню:

— Боритесь с нарушениями технологического процесса.
— Организуйте техническую учёбу рабочих.
— Улучшите контроль за качеством продукции.

И так далее. Кое-кто из моих же работников даже пытался пойти на поводу у этих болтунов. Но я решительно пресек эти попытки.

— Я и без вас знаю, — сказал я, — что всё это нужно делать. Но для этого нужно время. Вре-мя!

Зашумели. Но я был твёрд. Куда твёрже своего кирпича.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. «Я РАСПРОСТРАНЯЮ ОПЫТ»

Теперь мне хочется познакомить читателей с основными методами моей работы. Расскажу о типических трудностях, которые я преодолеваю в процессе общения с заказчиками.

...Иду с Успенским, представителем стройтреста, по заводскому двору. Вокруг штабели кирпичей.

Успенский нервно озирается. Делаю вид, что ничего не замечаю: пусть привыкает. Кирпичи наши, конечно, мало способны радовать взор человека: они в больших трещинах, кособокие. И цвет у многих какой-то неожиданный — грязно-серый. Отмечаю со всей прямотой: "Недожог", «Недосушен», «Мало песку» и так далее. Но это про себя, а вслух говорю:

— Вот отличные кирпичики! Забирайте и стройте на здоровье!

Успенский вскидывает на меня глаза. Я читаю в них безысходную тоску и сочувственно умолкаю: в такие минуты надо уметь помолчать. Знаю, что будет дальше: потребитель начнёт кричать, ругаться, но... кирпичи всё-таки возьмёт. Строить-то надо!

И вдруг всё испортила ворона. Села, проклятая, на мою продукцию. Тюк клювом по кирпичу — он вдребезги. Тюк по другому — то же самое. И пошло. Тут я не то что закричал, а прямо взвыл. На дворе десятки тысяч кирпичей — и все они под угрозой гибели от какой-то скверной птицы. Прибежал сторож. Вскинул ружьё и прицелился в злодейку.

— Стой, — кричу, — не смей палить! Ты мне сотрясение воздуха произведёшь, убытков не оберусь!

От вороны отбились. Успенский вздохнул и кирпич принял. Но обвёл меня вокруг пальца. Только я отвернулся, а он в акте отметил, что получена дрянь, и спровоцировал подписаться под актом трёх моих работников: Кононова, Сергееву и Богомолова.

Ну, этим трём я после кое-что объяснил. Долго помнить будут!

После Успенского приехал из Черемисиновской МТС десятник Якушев с погрузочной бригадой. И проявил себя сразу же склочником: орёт, что продукция моя ему не нравится.

— Отправляйтесь-ка, — говорю ему ласково, — к чертям собачьим домой! А чтобы знали, как надо прилично себя вести, я вам командировки не отмечу. Пусть ваша бухгалтерия как хочет, так и оплачивает!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

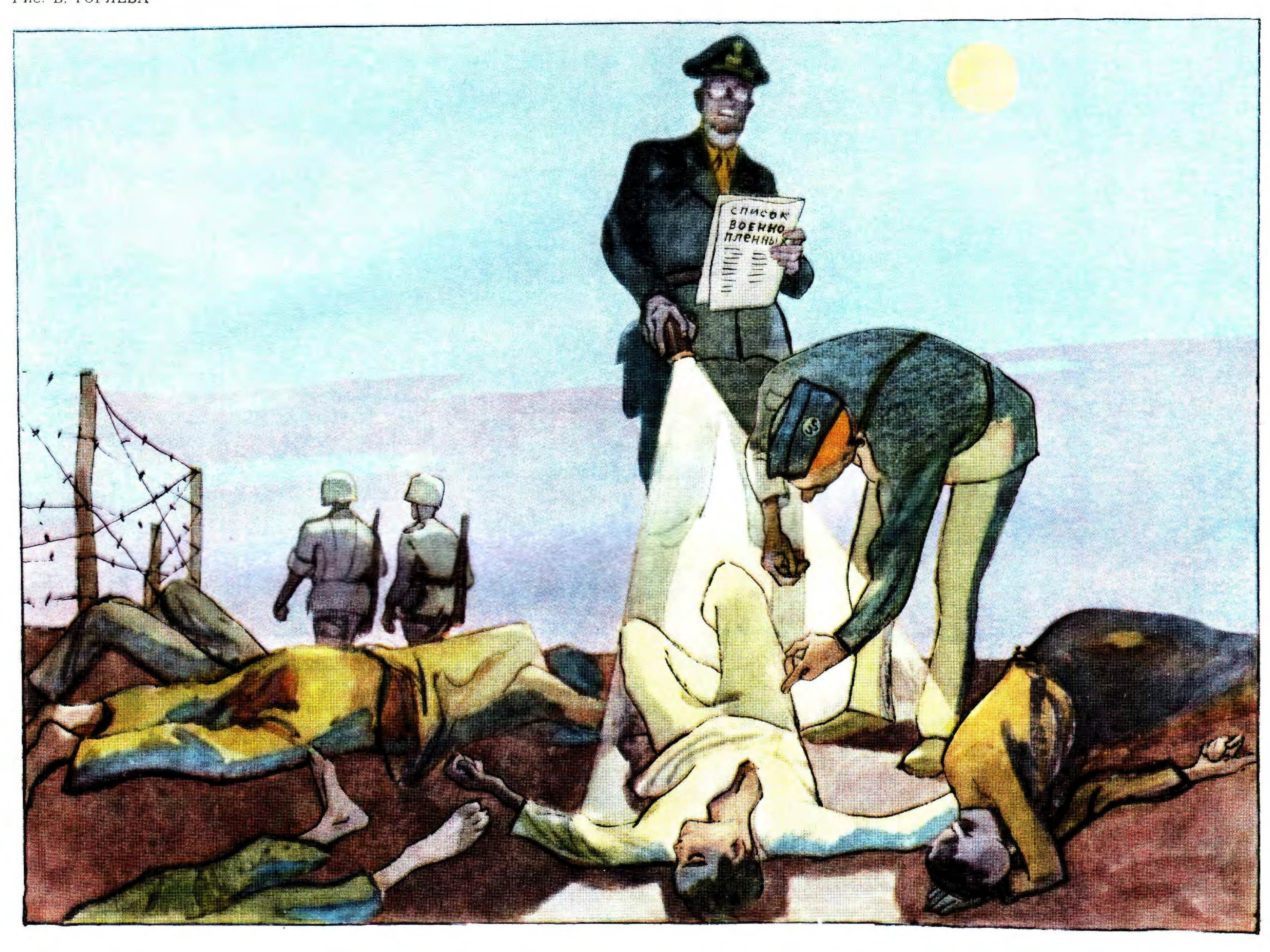
К сожалению, последнюю главу, под названием «Мне всыпали», нам написать не удалось, поскольку Худяков попрежнему процветает на своём посту. Однако и в этом неполном виде мемуары годятся для издания. Впрочем, при желании их можно дополнить не менее интересными воспоминаниями директоров некоторых других кирпичных заводов области (Старо-Оскольского, Готнянского, курских № 1 и № 2), поставляющих строителям продукцию, которую можно характеризовать пословицей «Испекла баба блин...» Собрать бы все эти воспоминания в одной книге, да и тиснуть! А на титульном листе хорошо бы воспроизвести портрет начальника областного Управления промышленности стройматериалов тов. Выменца, который из года в год разваливает производство кирпича в Курской области!

Г. КНЯЗЕВ

г. Курск.

Американское командование в Корее утверждает что корейские военнопленные отказываются от репатриации.

Рис. В. ГОРЯЕВА

— Я же говорил, что репатриация для них равносильна смерти!

НЕ ТА МИШЕНЬ

НЕКИЙ Джузеппе Фанелли — журналист, бывший член итальянского парламента, подполковник запаса — недавно вызвал на дуэль Джеймса О'Доннела, сотрудника реакционного американского журнала «Сатердей ивнинг пост». Как сообщает итальянское агентство АНСА, Фанелли послал О'Доннелу следующую телеграмму: «Если вы, клеветник, не являетесь также и трусом, то вы, конечно, как можно скорее обменяетесь со мной пистолетными выстрелами, чтобы доказать свои необоснованные оскорбления итальянской армии».

Это приглашение на поединок ничем не отличается от известного вызова на дуэль, описанного Генрихом Гейне в «Книге Лё Гран», где майор Дюван заявил какому-то Израэлю Льву: «Если вы не согласны стреляться, господин Лев, то вы собака».

Что же такое выкинул О'Доннел?

В августе он побывал в Неаполе и посетил командование вооружённых сил Северо-атлантического союза в южной зоне Европы. Тут О'Доннел беседовал со множеством американских офицеров, а также с самим командующим — американским адмиралом Кэрни.

В середине октября на страницах еженедельника «Сатердей ивнинг пост» появилась скандальная статья О'Доннела под наглым заголовком «Янки — хозяева Средиземноморья». В ней развязно утверждалось, что «итальянская армия всегда вызывала у её союзников больше заботы, чем даже их противники», и что, «по мнению многих критиков, итальянское звено военной цепи адмирала Кэрни сделано из спагетти», то есть из тонких макарон, являющихся любимым блюдом в Италии. Искушённый в оскорблениях О'Доннел отмечал, что основное занятие итальянских офицеров в штабе Кэрни — это «контролирование туалетных комнат».

Итальянские власти конфисковали все завезённые в Италию экземпляры этого номера журнала. У итальянских офицеров статья О'Доннела вызвала сильное раздражение. И это понятно. Ведь статья отражает подлинное отношение американского офицерья к Италии и итальянским вооружённым силам.

Короче говоря, ясно, что О'Доннел — не более, как обыкновенный воробей. Он только расчирикал сокровенные мнения и суждения американских офицеров об итальянской армии. А если это так, возникает вопрос, стоит ли стрелять по воробью даже из пистолета, когда для него вполне достаточно выстрела из простой рогатки? К тому же, как выясняется, О'Доннел не исключение.

Другой старый воробей, Перси Уиннер, ещё раньше О'Доннела опубликовал в американском еженедельнике «Нью рипаблик» статью под ироническим заголовком с вопросительным знаком: «Италия — новая база обороны?» В этой статье Уиннер, не стесняясь, пишет о лицемерии американских военных специалистов — от генерала Риджуэя до адмирала Кэрни, — расточающих направо и налево похвалы и дающих высокие оценки итальянской армии.

Уиннер цинично сообщает, что, распевая хвалебные гимны по адресу итальянцев, американцы всего-навсего сознают «психологическую необходимость поддержать возрождение национальной гордости и уверенности в себе» и что поэтому они «вынуждены во что бы то ни стало проявлять желание верить в военные способности итальянцев».

А на самом деле, доверительно сообщает Уиннер, американские военные специалисты думают иначе:

«Повидимому, все они помнят уроки прошлого: накануне обеих мировых войн отборные части альпийских стрелков проявляли блестящие качества и энтузиазм на парадах; и в каждую из этих двух войн итальянская армия в целом не действовала столь же блестяще».

Третий стреляный воробей, Д. Ф. Элиот, тоскуя по поводу отсутствия «межевропейского доверия», писал в американском ежемесячнике «Харперс мэгэзин», что в штабе главного командования войск Атлантического союза всегда можно услышать «всякие остроты, направленные против отдельных наций», и что никакие меры «не мешают французским полковникам рассказывать анекдоты об итальянской армии».

Однако история свидетельствует, что итальянский народ показывал образцы героизма и мужества в борьбе с иноземными захватчиками. И в то же время простых людей Италии никогда не прельщали разбойничьи авантюры агрессивно настроенных правителей страны, вступавших в сделки со всякого рода претендентами на мировое господство.

К этому печальному (для заокеанских любителей чужого пушечного мяса) выводу пришёл другой сотрудник — разведчик журнала «Сатердей ивнинг пост». Он вынужден был сообщить своим хозяевам: итальянские патриоты «решительно отвергают идею о том, что должны положить жизнь за атлантическое сообщество».

Как понимает большинство итальянцев, ответ на американские оскорбления должен заключаться в уходе из атлантического блока, в абсолютной независимости итальянской армии, в изгнании из Италии всех иностранных командований.

Однако этой простой истины ещё не понял итальянский подполковник запаса Джузеппе Фанелли, направивший свои патриотические усилия в ложном направлении. В лице мелкотравчатого пособника поджигателей, жалкого кропателя О'Доннела, он выбрал неудачную для дуэли мишень. Самые опасные враги Италии находятся позади О'Доннела и вблизи Фанелли, в частности в Неаполе.

Да и сам О'Доннел не торопится обменяться пистолетными выстрелами с разъярённым подполковником и в конце концов увильнёт от дуэли по примеру Израэля Льва, ответившего на вызов майора Дювана:

«Я предпочитаю быть живой собакой, чем мёртвым Львом!»

М. ПОЛИКАНОВ

КОРОТКО, НО ЯСНО...

На днях английский учёный-атомник Коккрофт предложил новый способ устранения англо-американских противоречий. Он посоветовал «положить конец этой международной борьбе путём использования энергии солнца».

Конечно, солнце на многое способно. Однако неразумно требовать от него невозможного!

* * *

Корреспондент газеты «Уолл-стрит джорнэл» Хартрич, побывавший во Французском Марокко, пишет, что американские военные лагери там представляют собой «ряд Америк в миниатюре, где имеются банки, пожарные машины, лаборатории, тюрьмы и пивные».

Всё это во Французском Марокко для американцев. Всё, кроме тюрем, предназначенных для французов и марокканцев.

* * *

Как известно, Гренландия юридически принадлежит Дании. Реакционная датская газета «Экстрабладет», комментируя оккупацию Гренландии американцами, пишет:

«Характерно, что, в то время как датские суда, заходившие по Сендерстремфьорду в гренландскую базу «Блю-Уэст-8», имели не совсем точные морские карты, американцы располагали прекрасными картами с указанием глубин по всему заливу!».

В основном здесь всё ясно. Неясно только, почему газета почтила это событие восклицательным знаком. Видимо, автор статьи в душе восхищён американской сноровкой.

В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Средства, ассигнованные первоначально западногерманскими властями на жилищное строительство, расходуются на строительство помещений для оккупационных войск.

Рис. В. ГОРЯЕВА

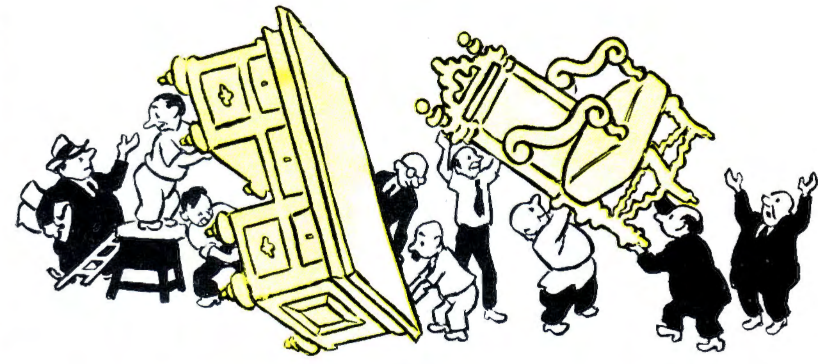

— Деньги были отпущены на строительство жилых домов, а построили одну штаб-квартиру...

Рис. В. КОНОВАЛОВА

— Напрасно меня обвиняют в зажиме критики. Я всегда прислушиваюсь к каждому вашему замечанию, товарищ начальник!

ПОД ОРЕХ!

ГОГОЛЕВСКИЙ помещик Собакевич обожал предметы особой, повышенной прочности. Он даже колодец приказал отделать крепким дубом. И мебель у него в комнатах стояла тяжёлая, прочная.

Управляющий белорусской республиканской конторой «Главрасткаучука» Кирилл Леонтьевич Горбунов тоже питает слабость к вещам весьма «упористым, без пошатки». Задумал он обставить свой служебный кабинет мебелью, да не обычной, а такой, чтоб свидетельствовала о солидности её хозяина. И сделал, несмотря на то, что кабинет крохотный, всего три метра на четыре.

Сперва в кабинет с великим трудом был втиснут огромный стол, отделанный под орех. Затем появились два дубовых, типично собакевичевского стиля, кресла: одно для управляющего, другое для его супр... то есть для старшего агронома Ольги Ивановны Солодухо. Правда, второе кресло обычно пустует. Оно служит скорее символом, чем предметом для сидения, ибо должность старшего агронома является для Ольги Ивановны синекурой: вся её деятельность ограничивается аккуратным получением зарплаты. Да она и не претендует на большее.

Стол и кресла явились как бы первой ступенькой. Вскоре Кирилл Леонтьевич вызвал к себе инженера-строителя Копылова, чьё кресло в конторе, кстати сказать, также частенько пустовало по причине регулярных запоев его хозяина, и заявил:

— Задумал я строить новое здание конторы. Тесно у нас.

— А как с деньгами? — осведомился Копылов.

— Попросим у главка, якобы на постройку лаборатории. Может быть, клюнет. Понял? Иди и действуй!

И Копылов начал действовать. В главке и вправду «клюнуло». На строительство лаборатории было отпущено сто двадцать тысяч рублей.

Напутствуемый управляющим Горбуновым, инженер Копылов трудился изо всех сил. Он подряжал строительные бригады, переплачивал, закупал материалы втридорога. Дом рос не по дням, а по часам. Управляющий был доволен. Правда, за разные работы Копылов уже переплатил более двадцати одной тысячи рублей. Но Кирилл Леонтьевич никогда не был мелочным человеком.

И вот наконец контора готова. Обозрел её Горбунов, и пришла ему в голову новая идея.

— Знаешь что? — сказал он Копылову. — Пожалуй, контора пусть остаётся на старом месте, а этот дом я займу под свою квартиру. Разумеется, нужны кое-какие доделки. Вместо крашеных полов уложить паркет из морёного дуба. Стены перекрасить под шёлк.

— Деньжат маловато, — озабоченно сказал Копылов.

— Денег? Достанем! Надо будет составить смету на капитальный ремонт дома — того самого, который мы только что закончили постройкой. Ясно?..

Деньги «на ремонт» в размере двадцати четырёх тысяч рублей были получены. Но тут получилась новая заминка: не хватило для паркета дубовых плиток. Из кабинета Кирилла Леонтьевича раздался зычный голос:

— Достать!

Копылов бросился за помощью к своему приятелю Цейтлину, прорабу Минской конторы отделочных работ.

— Сделаю, — успокоил его Цейтлин, — дубовые плитки будут. Но... — И он выразительно потёр пальцами правой руки.

Копылов понимающе закивал головой. На следующий день партия паркетных плиток, предназначенных для строительства Дома учёных, таинственным образом очутилась в распоряжении наших негоциантов.

Потом у Кирилла Леонтьевича возникла ещё идея: провести в здание водопровод. Около двенадцати тысяч обошлось это государству вместо шестисот рублей по общепринятым расценкам.

Но вот над головой управляющего Горбунова сгустились чёрные тучи. Нагрянула финансовая ревизия. Выявилось много случаев незаконных расходов государственных средств. Работники конторы ликовали:

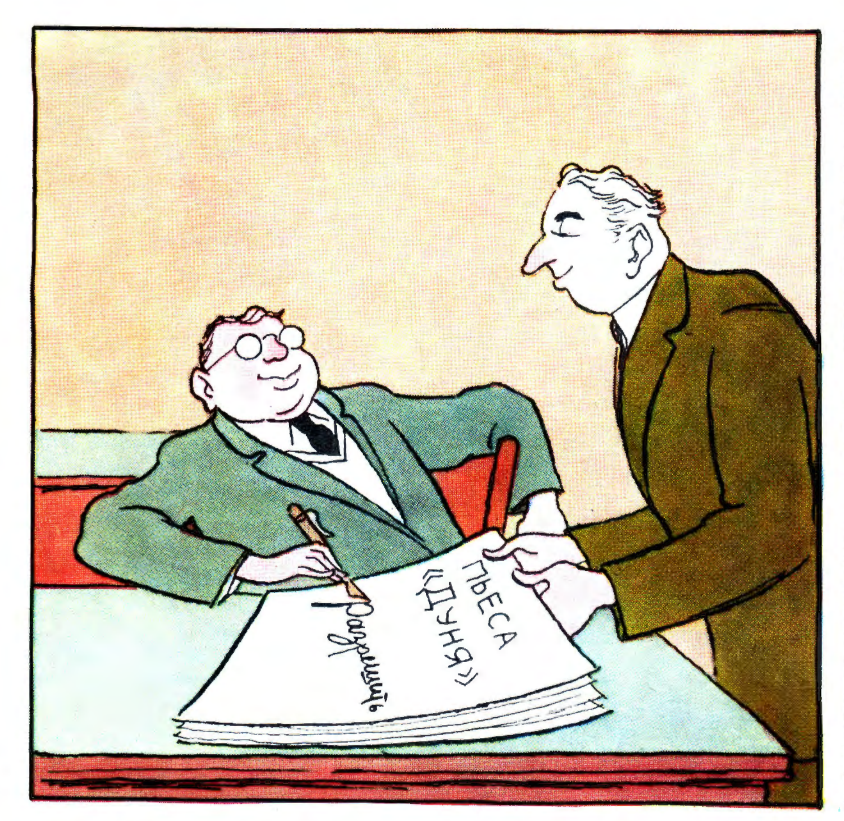
— Ну, теперь наших друзей самих разделают «под орех»!

Увы! Ревизия давно прошла, а Кирилл Леонтьевич, вроде своей мебели, стоит «упористо, без пошатки». От испуга он уже оправился и теперь подумывает, на чём бы ещё провести щедрых дядюшек из «Главрасткаучука».

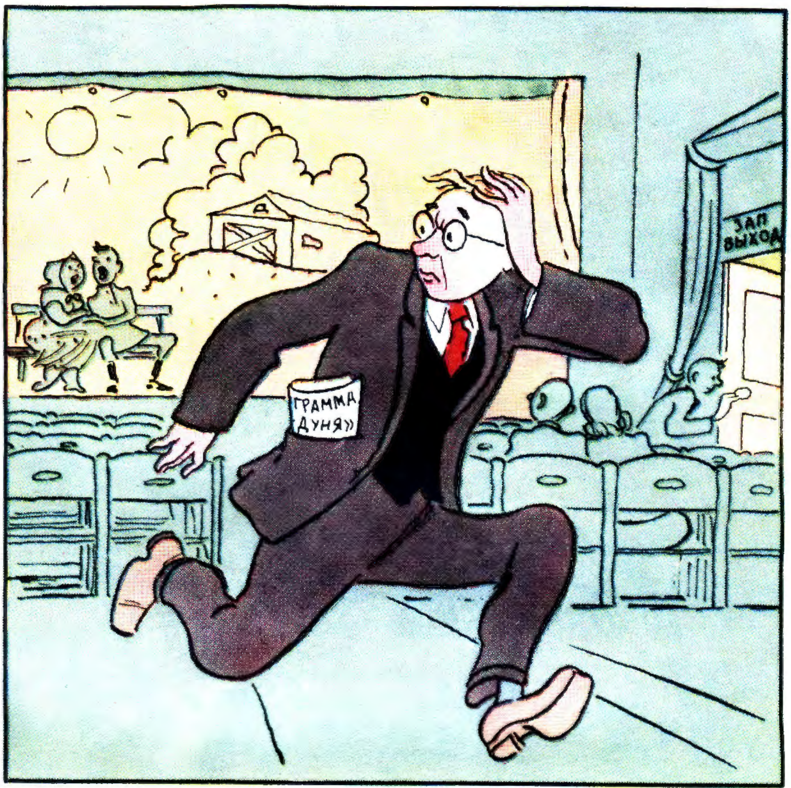
П. БОГАТЕНКОВ

г. Минск.

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

Комитет по делам искусств недосмотрел — и пьеса прошла.

Зритель пришёл, но пьесу не досмотрел.

ДРОЗД ТОРЖЕСТВУЕТ

КРАТКАЯ предистория этой длинной истории началась с метра, с обыкновенного деревянного метра с железными наконечниками.

Известно, что магазинный метр имеет совершенно определённое назначение — отмеривать для покупателей товар.

В руках заведующей дулёвским магазином № 55 Александры Романовны Дрозд измерительный прибор приобрёл совершенно несвойственные ему функции: этим прибором она среди бела дня, при всём честном народе, ни за что, ни про что избила покупательницу Левину Нину Васильевну, которая, как сказано в приговоре народного суда, «не проявила ничего плохого и очень скромно стояла в очереди».

Произошло это 22 марта 1951 года.

Хулиганский поступок Дрозд вызвал законное возмущение присутствующих, и они вместе с потерпевшей обратились в суд.

В судебном заседании 29 мая 1951 года нарсудом 1-го участка города Орехово-Зуева под председательством Кизяковой установлено, что:

а) Дрозд вообще груба с покупателями;
б) Дрозд действительно избила гражданку Левину;
в) предъявленное обвинение полностью доказано.

Принимая во внимание тяжесть преступления, суд решил... «подвергнуть Дрозд денежному штрафу в доход государства на триста рублей».

Потерпевшая и свидетели, естественно, не удовлетворились решением судьи Шемяки — Кизяковой и приговор обжаловали.

Однако заместитель председателя Верховного суда РСФСР тов. Попов нашёл, что «оснований к истребованию дела не установлено», о чём и сообщил жалобщикам. Дескать, раз потерпевшая после побоев осталась жива, так и «оснований к истребованию» нет. Ну, а оскорбление достоинства и прав гражданки Левиной? Из ряда вон выходящий хулиганский поступок Дрозд? Дискредитация торговых работников и советской торговли? Не в счёт?

Оставим пока эти вопросы на совести юриспруденции и посмотрим, что произошло дальше.

Отделавшись лёгким испугом, Дрозд внесла 300 рублей в доход государства, а на оставшиеся скромные доходы купила себе легковую машину и продолжала хамить и грубить в том же магазине на той же должности, с тем же метром в руках.

Только в сентябре 1951 года под давлением общественности и органов прокуратуры она была снята с работы...

Прошло полгода. И вот во всём своём величии та же Дрозд, с тем же метром предстала перед ошеломлёнными дулёвцами в той же должности завмага.

Возмущённые покупатели обратились в Министерство госконтроля РСФСР.

Министерство госконтроля предложило управлению местными торгами Московской области снять Дрозд с работы.

Начальник управления местными торгами тов. Добронравов 3 апреля 1952 года дал указание директору Орехово-Зуевского торга тов. Потапову о немедленном освобождении Дрозд от работы в торговой сети.

Тов. Потапов немедленно приказал управляющему Дулёвским отделением торга Афанасьеву снять Дрозд с работы и... немедленно об этом забыл.

Афанасьев, получив приказ, немедленно положил его под сукно.

Дрозд торжествовала.

Покупатели обратились с заявлением в прокуратуру Московской области.

Из прокуратуры заявление направили в областное управление местными торгами Московской области.

Оттуда немедленно дали вторичное указание директору Орехово-Зуевского торга тов. Потапову о немедленном освобождении Дрозд.

Тов. Потапов немедленно (13 июня) дал вторичное указание Афанасьеву и... немедленно об этом забыл.

Тов. Афанасьев немедленно положил это указание под сукно, рядом с первым.

Дрозд торжествовала. Покупатели пожимали плечами:

— Знать, сильнее Дрозда в Орехово-Зуеве птицы нет.

23 июля 1952 года «Орехово-Зуевская правда» выступила по этому поводу с фельетоном «Под защитой».

В тот же день об этой истории говорили с возмущением на сессии исполкома горсовета.

А Дрозд?

Она продолжала размахивать тем же метром в том же магазине.

24 августа, через месяц, «Орехово-Зуевская правда» известила читателей, что факты, изложенные в фельетоне «Под защитой», подтвердились. Тов. Потапов сообщал редакции, что Дрозд с работы снята и уволена из отделения Ликино-Дулёвского торга. На управляющего отделения Афанасьева наложено административное взыскание.

В свою очередь, 30 сентября 1952 года прокуратура Московской области сообщила то же самое жалобщикам с добавлением, что выговор от областного управления местными торгами получил не только Афанасьев, но и Потапов.

— Наконец-то как-никак, а правда восторжествовала! — хотели воскликнуть жители Дулёва.

Но не успели воскликнуть. Вскоре они увидели в конторе Ликино-Дулёвского отделения торга торжествующую хамку Дрозд — она восседала в должности старшего товароведа...

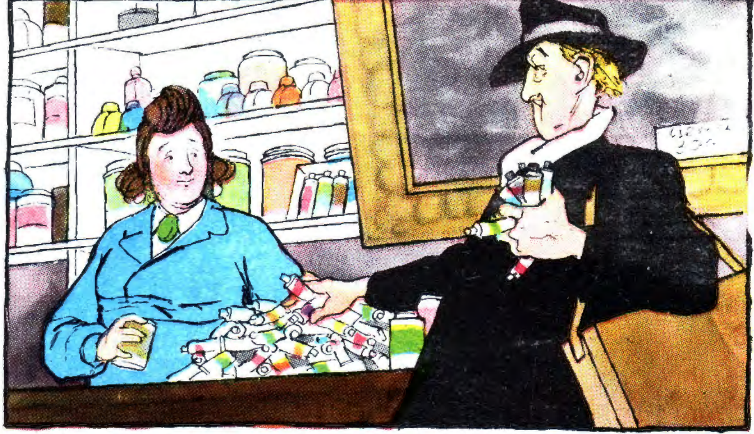
Мы не знаем, какие сейчас очередные указания дадут добрые и терпеливые руководители Московского областного управления местными торгами, но думаем, что пора бы орехово-зуевским партийным органам заинтересоваться вопросом: почему коммунист Афанасьев и другие покровители хамки так упорно не хотят с ней расстаться? Нас, например, такое стоическое упорство наводит на очень грустные, далеко идущие размышления.

Д. БЕЛЯЕВ

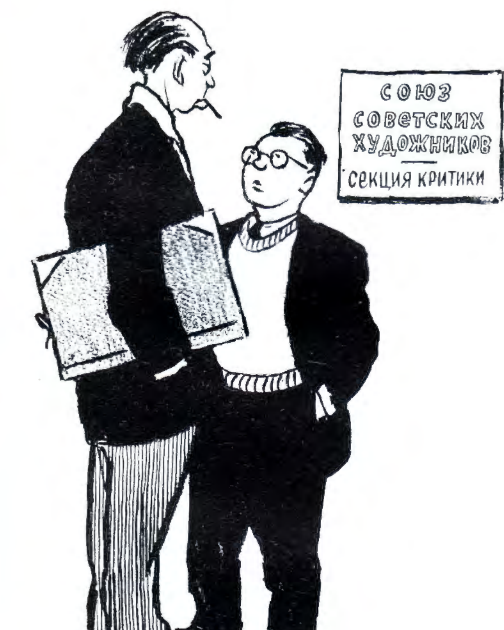

Рис. Е. ГОРОХОВА

— Странно, товарищ художник: краски вы всегда покупаете у нас самые яркие, а картины пишете серые!

Рис. Бориса ЛЕО

— Как можно говорить, что у нас нет критики! Да ведь у нас целая секция критики!

КАРТИНА ЯСНАЯ!

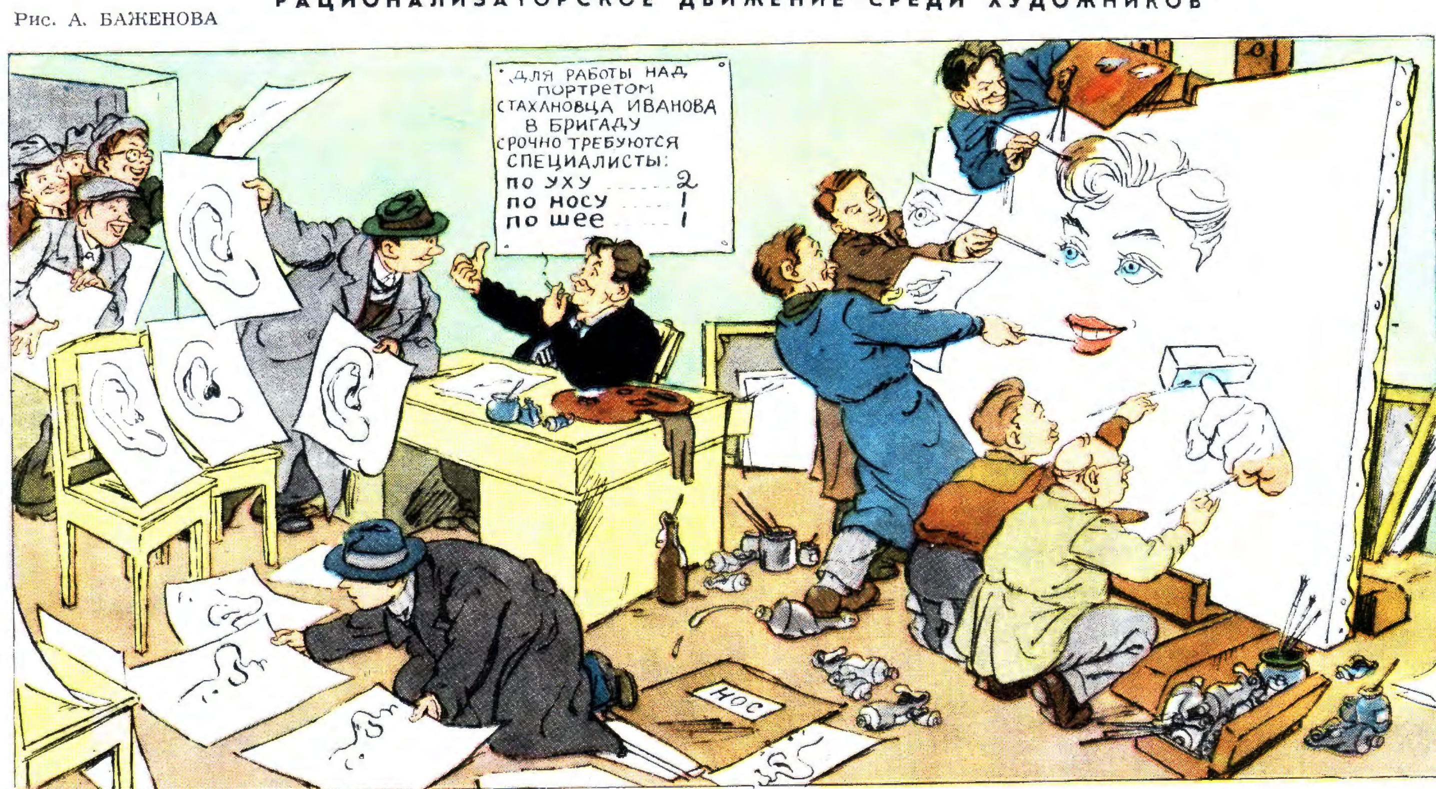
Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

ЧЛЕНЫ ЖЮРИ: — Эту картину нужно принять! Автор её — старейший член нашего союза, активно сотрудничает в стенгазете, много уделяет внимания благоустройству нашего дома отдыха... В общем картина ясная!

РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СРЕДИ ХУДОЖНИКОВ

Рис. А. БАЖЕНОВА

Скоростная подготовка к выставке бригадным методом.

РЕЙД КРОКОДИЛА

ЯМСКИЕ БЫЛИ

«Дорогой Крокодил!

Просим тебя пожаловать к нам в гости. Председатель нашего колхоза Константин Павлович Харламов — исключительно хлебосольный хозяин и добрейшей души человек. А как он относится к колхозному добру! Прямо как к своему собственному. Для него нет разницы между личным и общественным. Даже своих телят на протяжении нескольких лет он сдаёт в колхоз (конечно, в обмен на взрослых коров)».

(Из письма колхозников деревни Фёдоровки, Ямского района, Сталинской области.)

...Мы в деревне.
Ходим по морозу
И уже, наверно, целый час
Ищем председателя колхоза,
По дворам колхозник водит нас.
Но никто не знает, где Харламов.
Наконец услышали слова:
— Вон стоит вернувшийся из Ямы
Нашего колгоспу голова!

Но колхозник не совсем был точен:
Ноги «головы» стоят не очень...
А пока проспится пьяный председатель,
Мы беседуем с колхозниками в хате:
— Нам сказал товарищ из райкома,
Что у вас пожар был здесь, в лесу.

— Да, сжигали на поле солому
И спалили лесополосу.

— Только что там лесополоса! —
Сразу загудели голоса. —
Мы собрали двести тонн навоза,
Дружно потрудился весь колхоз,
Но от председателя колхоза
Был приказ, чтоб сжечь весь тот навоз.
И с тех пор в колхозе говорят,
Что у нас и трудодни горят...

— И всё это остаётся шито-крыто? — удивились мы.— Разве у вас не бывает проверок, комиссий?

— Для всех проверок и комиссий
Харламов ход придумал лисий.
Когда приедет кто-нибудь,
Он бьёт себя публично в грудь:
«Оно, конечно, трудновато,
Но мы учтём...»
И — снова в грудь.
И заморгают виновато
Глаза, припухшие чуть-чуть.

— Действительно, добрейшей души человек Константин Павлович,— рассказывают колхозники. — Как он встречает гостей! А как провожает! Обязательно на дорожку предложит захватить узелок с гостинцами. И всё это без всякой волокиты. Лишь стоит написать кладовщику распоряжение, например, вот такое:

«Выдать:
Яблок — 400 кг на сумму — 100 руб.».

Гость доволен: ведь цена яблокам — 4 рубля за килограмм, а тут почти задаром! Но такой уж человек Константин Павлович!

Знайте, мол, широкую натуру!
— А ещё нас режет без ножа
Птицеводство: гуси, утки, куры.
Тридцать пять процентов падежа.

Нет, не зря в народе говорят:
Мол, считай по осени цыплят!
Мы считать их дружно стали,
Очень мало насчитали:
Из трёх тысяч только треть.

«Как же им не помереть?
В огороде, во саду ли,—
Председатель говорит,—
Поклюют цыплята пули,
Получается гастрит».
Вы не смейтесь, это факт!
Так показывает акт:

«1952 года, июня 30-го дня, мы, нижеподписавшиеся завзоовет Ивченко, животновод Коваленко и ветфельдшер Красюк, составили настоящий акт в том, что в колхозе в июне м-це 1952 года пало цыплят до трёхмесячного возраста 74 головы. При вскрытии установлено, что причина смерти — гастрит. Причина — поедание инородных тел (металлические пули) при недостатке минеральных кормов».

С подлинным, как говорится, скверно...

Оказывается, цыплята глотают пули (?!), оставшиеся на земле с той поры, когда здесь проходил фронт.

Тут мы выразили сомнение: можно ли безнаказанно «отливать пули»? Есть же человек, который осуществляет надзор за тем, как выполняется Устав сельскохозяйственной артели! И действительно:

От того колхоза недалёко
Жил, осуществляющий надзор
И порок карающий жестоко,
И. Грабко — районный прокурор.

У него узнать мы захотели
О делах знакомой нам артели
И о тех, кто, действуя хитро,
Расхищал народное добро,
Кто сгноил колхозную пшеницу,
Ложные отчёты подавал,
Яблоки дарил залётной птице
И в колхозе «пули отливал».

Нас окинув недрёманным оком,
Прокурор сказал:
— Дела такие есть!..
Больше на челе его высоком
Ничего не удалось прочесть.

Нельзя сказать, что Харламовым не занимался Ямский райком партии. Константина Павловича неоднократно заслушивали на бюро, неоднократно ему указывали и даже наказывали его.

Так, 18 апреля 1952 года было решено:

«В связи с тем, что на председателя колхоза т. Харламова бюро райкома дважды накладывало партийные взыскания, в том числе за нарушения Устава сельскохозяйственной артели, в последний раз предупредить т. Харламова, что если он не примет мер к ликвидации и недопущению нарушений Устава сельхозартели, он будет исключён из рядов ВКП(б), снят с работы и привлечён к ответственности как уголовный преступник».

Как же так? Опять «в последний раз предупредить...»?! Ведь за два месяца до этого, 22 февраля, в решении бюро уже было сказано почти дословно то же самое!

И ещё один вопрос у нас
Вызвало подобное решение:
Сколько раз райком «в последний раз»
Может повторять предупреждение?

С председателем колхоза Константином Павловичем Харламовым дело ясное.

Нам теперь понятно, почему
Говорят колхозники заранее:
— «Головой» колхоза быть ему
Только до отчётного собрания.

Но есть и нерешённые вопросы. Например, заинтересуется ли кто-нибудь прокуратурой, чтобы она, в свою очередь, заинтересовалась Харламовым?

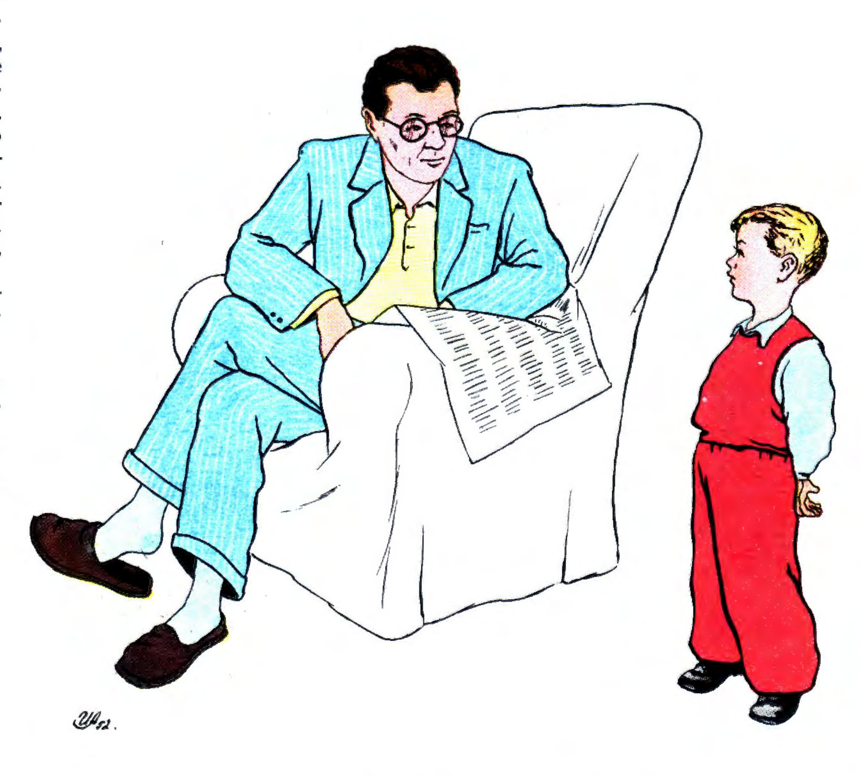
И один ли будет он в ответе?
Или за компанию с Грабко?..
Может быть, на все вопросы эти
Не замедлит дать ответ обком?

Александр НИКОЛАЕВ

Ямский р-н,
Сталинской области.

ЖЕРТВА ШТУРМОВЩИНЫ

Рис. И. АЛЕКСАНДРОВИЧА

— Папа, какое самое жаркое время года?
— Декабрь!

ОСВЕЩЕНИЕ В ОДНУ СВЕЧУ

Полутёмный железнодорожный вагон. Тускло горит свеча.

Кондуктор (обращаясь к висящему на стене пальто):

— Ваш билет! Кому говорят? Ваш билет!

Промах кондуктора из чеховской шутки «Вагонное освещение» можно легко понять и извинить: в его времена иного освещения, кроме свечи, в вагонах не полагалось.

Гораздо труднее понять и извинить сцены, происходящие уже в наши времена в пригородных поездах Львовского железнодорожного узла.

...Полутёмный вагон. Тускло мерцает свеча. Ощупью пробираются к свободным местам пассажиры. То и дело слышатся возгласы:

— Ах, чтоб тебя... опять лоб расшиб!..

Пассажиры, усевшись на место, погружаются в дремоту. Свежие номера газет, журналов, книги мирно покоятся в карманах и сумках: человек не кошка, видеть ночью ему не дано. Единственно, чем могут развлекаться пассажиры,— это поминать не совсем добрым словом начальника Львовской железной дороги товарища Головченко.

Ещё в 1949 году Министерство путей сообщения СССР обязало начальников округов и дорог в трёхмесячный срок обеспечить перевод всех пассажирских вагонов на электроосвещение. Тов. Головченко растянул эти три месяца на три года. Вот почему во львовских пригородных поездах пассажиры охают, потирая ушибленные лбы, а контролёры тщетно взывают к висящим на стенах пальто:

— Ваш билет! Кому говорят? Ваш билет!

ЛИКУЯ И ТОРЖЕСТВУЯ...

В страдную бухгалтерскую пору, в дни составления баланса, начальник Отуз-Адырской строительно-монтажной конторы тов. Чернецов справлялся у своих подчинённых:

— Ну, как наш главбух, опять выпивши?

— Опять лыка не вяжет.

— А баланс он составляет?

— Пишет, да что толку! Человек поперёк глазу пальца не видит!

— А это и хорошо! Расчудесно! Тут-то мы его и прихлопнем!

И вот баланс составлен. Чернецов небрежно просматривает его и, ликуя и торжествуя, направляет

в Министерство водного хозяйства Киргизской ССР с такой саркастической припиской:

«...Я решил послать баланс сделанный старшим бухгалтером тов. Костиным М. Е. в таком виде, как он составлен, чтобы центральная бухгалтерия Минводхоза смогла судить по прилагаемым документам о бухгалтере Костине, о его деятельности и дальнейшем его пребывании в этой должности, которому я, как начальник, а также и главн. инженер т. Глушаков неможем верить в дальнейшем в силу того, что Костин алкоголик, 50% своего рабочего времени проводит не за рабочим местом и весь баланс сделан им в нетрезвом состоянии».

У нас возник один вопрос: что бы сделал Чернецов, если бы обнаружил в конторе растратчика-кассира? Неужели Чернецов ждал бы, пока тот растратит деньги, а уж потом прислал бы в министерство пустую кассу со своим саркастическим письмом?

МУЗЫКА И ПОЧВА

Седьмого ноября рецензент С. Кошелев обнародовал в смоленской газете «Рабочий путь» свои мысли по поводу фильма «Композитор Глинка». Эстетические откровения автора рецензии облечены в странную литературную форму. Смысл некоторых фраз навсегда скрыт от читателя. Например, мы читаем:

«Бесконечное разнообразие жизни народов охватывает его на веселой шумной ярмарке».

Не менее трудно добраться до здравого смысла и в таких предложениях:

«Творческий процесс рождения музыки, глубина вдохновенной мысли гениального композитора органически слиты с человеческой простотой, с необычайной скромностью внешней формы выражения».

Или:

«Тупость и самодовольство, бездушие и внутренняя пустота органически слиты в этой давящей фигуре с внешним содержанием».

Или:

«Музыка, так же как и всякий другой человеческий язык, должна быть неразлучна с народом, с почвой этого народа, с его историческим развитием».

Нам неизвестно доподлинно, должна ли музыка быть неразлучной с почвой. Но мы твёрдо знаем, что человеческий язык должен быть неразлучен с грамматикой. Как жалко, что эту простую истину игнорируют С. Кошелев и редколлегия газеты «Рабочий путь»!

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО БЕЗ ПОДДЕЛКИ!

В Кривом Роге появился на свет такой достопримечательный документ:

«Приказ № 77 по ЖКО Рудоуправления им. Дзержинского.

...установлено, что начальник снабжения т. Сухина П. Ф. в июле месяце подделал мою подпись, подписал несколько требований на получение материалов с рудмагазина.

Приказываю:

§ 1.

Начальнику снабжения т. Сухине П. Ф. запрещаю впредь подделывать мою подпись на документах.

При повторении подобного случая буду налагать самые строгие меры дисциплинарного взыскания.

Одновременно предупреждаю всех начальников подотделов не заниматься подделкой моей подписи.

Помощник Управляющего по быту рудоуправления горный директор адм. службы III ранга Телятниченко».

На этот раз, конечно, никто не скажет, что подпись подделана. Такой приказ может сочинить, обнародовать и собственноручно подписать только тов. Телятниченко!

Рис. Л. ГЕНЧА

— Чем начальник недоволен!
— Нашёл в стенгазете много недостатков.
— Чьих!
— Своих.

«МУР МУЗЫ» и «СТАХ БАРЫ» В МТХ

В выставочном зале Московского товарищества художников даны сокращённые названия картин. Картина Козочкина названа «Интэриер Мур. Муз». Картина Шишкевича подписана «Роз. пионы». На картине Грабовского изображена стахановка-текстильщица. Подпись же гласит: «Стах. Бар. Захарова». И т. д.

(Из письма художника К. Дорохова)

Право, было бы не худо
На син названия
Руководству Мос. Тов. Худа
Обратить внимание.

Н. АЛЕКСАНДРОВ

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Наберись терпения и разберись в загадочном снимке: упряжь на месте, а лошади нет!

Удивительно? А между прочим, лошадь тут была. Она доставила эту бричку вместе с двумя седоками — председателем Адоевщинского колхоза Алексеем Афанасьевичем Морщининым и счетоводом Петром Леонтьевичем Панкратовым — в районный центр Базарный Карабулак.

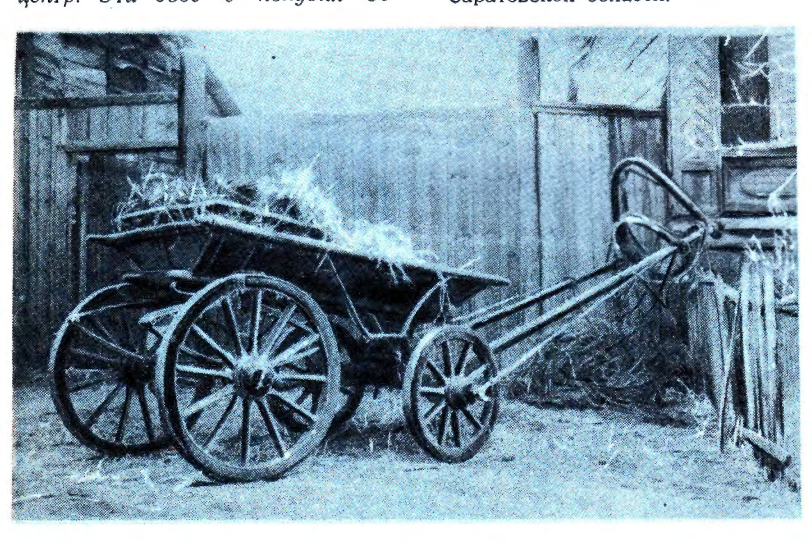
Разные люди по разным делам приезжают из колхозов в районный центр. Эти двое с полудня до позднего вечера заправлялись «горючим» в чайных райпотребсоюза. А лошадка ждала и ждала. Наконец, потеряв терпение, она высвободилась из упряжи, махнула хвостом на своих несознательных хозяев и ушла обратно в колхоз, к своему стойлу.

По этому поводу наши колхозники говорят:

— Хорошо, хоть лошадь оказалась непьющей!

В. ХАРИТОНОВ

Базарный Карабулак,
Саратовской области.

Уважаемый Крокодил!

Лет двенадцать назад республиканский Комитет по делам культурно-просветительных учреждений запланировал в нашем районе строительство Дома культуры. Прислал проект и, как ни странно, забыл о смете. Потом, года через два, прислал смету и совсем упустил из виду, что для возведения зданий потребны строительные материалы.

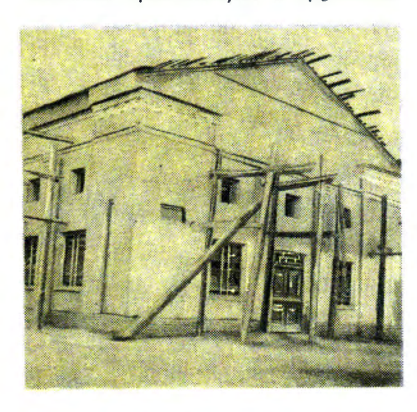
А когда в результате усилий местных организаций и трудового участия населения Дом культуры был всё-таки построен, о нём вдруг вновь вспомнили в Комитете. И прислали комиссию.

— Тут надо бы,— заявили члены комиссии,— кое-что реконструировать. И, между прочим, перенести сцену. Куда? Недалеко: на другой конец зрительного зала...

Ну, что ж делать... Разобрали крышу, потревожили стены — начали реконструировать. А когда реконструкция была в самом разгаре, пришло из Комитета извещение: много лишних денег тратите — ассигнования приостанавливаются...

Вот кувинцы и любуются с 1950 года этаким недореконструированным чудищем (см. фото).

Любуются и думают: уж лучше бы Комитет и его председатель тов. Таджиева о нас не вспоминали!

С. ТАДЖИБАЕВ,
заведующий отделом пропаганды и агитации райкома партии

кишлак Кува,
Узбекской ССР.

Товарищ Крокодил!

Всего, что здесь зафиксировано, в действительности сейчас не видно. И грязь, и лужи, в которых плавали станки, и сами станки — всё покрыто снегом.

Но просим тебя поместить этот снимок. Пусть он напомнит директору Рязанского завода тяжёлого станкостроения тов. Ермакову о том, что у него есть скрытые (под снегом) резервы производства. А заодно раскроет антигосударственное отношение к народному добру.

А. КНЯЗЕВ

г. Рязань.

Дорогой Крокодил!

Представь себе, у нас в Ленинграде появились конокрады!

До сих пор, как ты можешь убедиться по фотографии, на арке бывшего Главного штаба было шесть коней.

А недавно мы прочли в «Ленинградской правде» стихотворение поэта П. Кобракова «Историческая арка», где чёрным по белому сказано:

Над ней летит
Коней четвёрка грозная,
А дальше — Зимний,
Площади разлив.
Вплела узор свой арка
В небо звёздное,
Полудугой дома соединив.

Куда же исчезли ещё два коня? Вероятно, виновник их пропажи — сам Кобраков. Только зачем они ему? Пристяжными к собственному поэтическому Пегасу?

Впрочем, чтобы ленинградцы не волновались, помещаем снимок. Как видите, кони в полном составе на своём постоянном месте.

Н. Г. ЗУДОВ

г. Ленинград.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

● В № 22 журнала Крокодил, в заметке «Десятое обещание», рассказывалось о затянувшейся стройке двенадцатиквартирного дома Южкаспрыбстроя в г. Баку.

По сообщению Министерства рыбной промышленности СССР, в настоящее время дом достроен и заселён жильцами.

● В фельетоне Н. Воробьёва и В. Журавского «Арендованные печи» (№ 26) говорилось о том, что в колхозе «Красная заря», Крымской области, в течение года не могут пустить в действие хлопкосушилку из-за отсутствия вентиляторов.

Фельетон обсуждался на коллегии Министерства хлопководства СССР. В колхоз «Красная заря» отправлены необходимые вентиляторы.

● В № 29 был помещён фельетон Г. Воробьёва «Бахрах получает степень» — о том, как Бахрах недобросовестно подготовил диссертацию на соискание учёной степени кандидата наук и как неправильно была присуждена ему эта степень. В настоящее время решением Учёного совета Саратовского зооветеринарного института Бахрах лишён учёной степени.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ. КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „ПРАВДА". Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно с 13 до 17 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц,

Москва. Изд. № 1006. Подписано к печати 12/XII 1952 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 07728. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 3146. Тираж 300 000 экз.

Рис. И. СЕМЕНОВА

СЛУЧАЙ В ГОРШЛЯПРОТОЗЕЙТРЕСТЕ